

а также финансовых операций, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем;

г) оказание помощи: в стажировке специалистов; в создании информационных систем, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению и выявлению незаконных финансовых операций, а также финансовых операций, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем и иные.

¹ См., напр.: XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001; В тени глобализации // Криминальная глобализация экономики / Под ред. Л.М. Тимофеева и Ю.В. Латова. Вып. 5/1. М., 2002; и др.

² См.: Логинов Е.Л. Отмывание денег через Интернет-технологии. М., 2005. С. 57.

³ См.: О решении проблем борьбы с отмыванием грязных денег // Борьба с преступностью за рубежом. 2001. № 5. С. 18-19.

⁴ Интернет-банкинг – создание механизмов осуществления банковских операций с помощью глобальной сети Интернет. Интерес банков к данной форме обслуживания объясняется стремлением расширить круг клиентуры за счет привлечения клиентов, находящихся в других регионах, странах, континентах без открытия филиалов. Еще больший интерес к такой форме обслуживания проявляют клиенты, в т.ч. недобросовестные, поскольку у них появляется возможность без посещения банка осуществлять практически любые операции по счету.

⁵ См.: Отчет Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег по типологиям отмывания преступных доходов и финансирования терроризма за 2003-2004 гг. – www.fatf-gafi.org/pdf/TY2004_en.PDF.

⁶ См.: О Вольфсбергских принципах: указание оперативного характера Банка России от 15 февраля 2001 г. № 24-Т // Нормативные акты по банковской деятельности. 2001. № 3.

⁷ См.: Конвенция о отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3. Ст. 203

⁸ См.: О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: Федеральный закон от 28 мая 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2280.

⁹ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями, а также финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем (Москва, 12 февраля 1999) // Бюллетень международных договоров. 1999. № 11.

А.П. Спиридонов*, В.Ф. Анисимов, О.Г. Михайлова***, А.Г. Гурбанов****,
В.И. Тарайко*****, И.Л. Третьяков*******

Конвенционные преступления в системе преступлений по международному уголовному праву

Виды преступлений в международном уголовном праве классифицируются по различным основаниям, среди которых особо следует выделить материальные и формально-юридические. Несомненно, любая классификация преступлений, основанная на юридически значимом критерии, представляет самостоятельную теоретическую ценность и способствует развитию науки уголовного права.

В уголовном праве представлена формально-юридическая классификация преступлений, предусмотренных нормами международного уголовного права (И.И. Лукашук):

1) преступления по общему международному праву (преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности);

2) конвенционные преступления (терроризм, захват заложников, торговля рабами и обращение в рабство, торговля людьми и эксплуатация проституции третьими лицами, подделка денежных знаков, незаконная торговля наркотиками, незаконные ввоз, вывоз и передача права собственности на культурные ценности и др.)¹

* Кандидат юридических наук.

** Преподаватель Нижневартковского филиала Северо-Западной академии государственной службы, кандидат юридических наук.

*** Кандидат юридических наук, доцент (Курский филиал Орловского юридического института МВД России).

**** Старший следователь по особо важным делам прокуратуры Московской области, кандидат юридических наук, старший советник юстиции.

***** Заместитель директора Института права и предпринимательства Архангельского государственного технического университета, кандидат юридических наук.

***** Доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Другие авторы классифицируют преступления, охватываемые международным уголовным правом, по признаку субъекта. Так, И.П. Блищенко указывает, что следует различать преступления государств, с одной стороны, и преступления физических лиц – с другой. Это качественно разные, разноуровневые (хотя и в случае совершения международных преступлений взаимосвязанные) явления. Здесь различны не только субъекты преступления и объекты посягательства, но и способы, и формы ответственности. Эти преступления имеют довольно значительные отличительные черты по сравнению с преступлениями, совершаемыми индивидами не в качестве должностных лиц государства, а в качестве частных лиц, с которыми государства ведут совместную борьбу. Автор указывает: «В нашей правовой литературе обычно проводится различие между международными преступлениями и преступлениями международного характера. Первые совершаются как государством, так и физическими лицами одновременно и нарушают международные обязательства, столь основополагающие для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что их нарушение рассматривается международным сообществом в целом как преступление (см. ст. 19 проекта Статей об ответственности государств, разрабатываемого в рамках Комиссии международного права ООН). Вторые совершаются только физическими лицами, и государства сотрудничают с целью борьбы с ними. Если государство нарушает свое договорное обязательство перед другими государствами в этой области, то оно совершает не международное преступление, а обычное международное правонарушение — деликт»².

Третья позиция основывается на классификации преступлений по критерию их объекта. Р.А. Адельханян считает, что в основу видовой классификации преступлений в международном уголовном праве должен быть положен родовой объект преступного посягательства в качестве своего рода «интегрированного» знаменателя как степени тяжести совершенного деяния, так и его отличия от других преступных посягательств. Соответственно, автор выделяет преступления против мира (человечества), преступления против безопасности человечества, военные преступления, преступления против личных прав и свобод человека, преступления против общественной безопасности, преступления против здоровья населения и общественной нравственности, преступления против мировой финансово-экономической системы³. Отметим, что классификация преступлений, основанная на признаках родового объекта, характерна именно для российского уголовного права. Фактически в данном случае российская уголовно-правовая научная традиция пролонгируется на международное уголовное право.

В уголовном праве представлена также классификация преступлений, получившая наибольшее распространение и связанная с оценкой глобальности той угрозы, которые заключают в себе соответствующие деяния. И.И. Карпец предлагает подразделять все преступления, представляющие предмет международного уголовного права, на две большие группы – международные преступления и преступления международного характера. Данное решение представляется нам юридически верным, поскольку основывается не только на материальном критерии характера и степени общественной опасности преступлений, но и на их нормативном «происхождении», т.е. источнике и способе формально-юридической фиксации.

Международными преступлениями И.И. Карпец предлагает считать только те деяния, которые представляют повышенную опасность для существования мирных отношений и сотрудничества между государствами независимо от их социально-политического устройства⁴. Следует отметить, что международные преступления традиционно выделялись в особую группу и другими авторами, но получали несовпадающую трактовку. Так, например, П.С. Ромашкин расценивает их как посягательства на основы международных отношений⁵ (в одной из своих работ он называет их также преступлениями против мира и человечества⁶), М.И. Лазарев – как посягательства на независимость каждого народа и мирные отношения между народами⁷, Л.А. Моджорян – как посягательства на само существование государств и наций⁸, Д.Б. Левин – как посягательства на свободу народов мира, на интересы всего прогрессивного человечества, коренные основы международного общения, права и интересы всех государств⁹, А.Н. Трайнин обозначил рассматриваемую группу деяний как преступления против человечества, посягательства на основы существования и прогрессивного развития народов¹⁰. При некотором дефинитивном расхождении указанные авторы сходятся в том, что к группе международных преступлений следует относить преступления против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных на осуществление любого из указанных действий); военные преступления (нарушение законов или обычаев войны); преступления против человечности (убийства, истребление, порабощение, ссылку и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Международного военного трибунала)¹¹; использование запрещенных средств, способов и орудий ведения войны; геноцид, экоцид, биоцид, апартейд, наемничество.

Устанавливая критерии разграничения международных преступлений и преступлений международного характера, А.Е. Сунцов и Ю.В. Трунцевский пишут: «Основными критериями отграничения международных преступлений от преступлений международного характера необходимо признать:

- 1) нарушение государством международных обязательств;
- 2) наступление международной уголовной ответственности физического лица (лиц), виновного в подобных преступлениях и действующего от имени государства или не от его имени, но государство, ввиду того, что не принимало мер по их предотвращению или пресечению, обязательно становится субъектом международной ответственности, причем для установления международной (уголовной) ответственности не обязательно, чтобы международные преступления были криминализированы в национальном законодательстве;
- 3) международные преступления нарушают интересы не только какого-нибудь одного государства, а ставят под угрозу международный правопорядок в целом. К преступлениям международного характера относятся уголовные преступления, в отношении которых заключены международные многосторонние соглашения»¹².

Таким образом, указанные авторы также осуществляют разграничение международных преступлений и преступлений международного характера как по материальным признакам, так и по критерию нормативного установления их противоправности. По вышеизложенным соображениям мы также присоединяемся к рассмотренной классификации.

На наш взгляд, следует говорить об еще одном основании классификации конвенционных преступлений (помимо специального объекта), связанных с критерием масштабности территорий (регионов), в которых находятся государства-участники. Многочисленные акты международного права расценивают рост преступности как одну из наиболее значительных угроз международному миру и безопасности. Например, в Венской декларации о преступности и правосудии от 20 апреля 2000 г. особо отмечалось, что государства-члены ООН, будучи обеспокоены воздействием на общество результатов совершения серьезных преступлений, имеющих глобальный характер, «убеждены в необходимости двустороннего, регионального и международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия». И.И. Лукашук указывает на возможность установления на региональном уровне специальных конвенционных преступлений: «В связи с широким распространением взяточничества при заключении контрактов в 1996 г. страны Латинской Америки подписали конвенцию о сотрудничестве в искоренении грязного правительственного бизнеса»¹³. Проблемы субрегионального нормотворчества в области международного уголовного права просматриваются на примерах стран Европейского Союза, Содружества Независимых Государств и др. Это позволяет нам говорить о возможной классификации конвенций, устанавливающих противоправный характер того или иного деяния, на универсально-территориальные и локально-территориальные.

Наряду с международными преступлениями и преступлениями международного характера в мире сложилась так называемая транснациональная преступность. В течение 90-х гг. масштабы, интенсивность и изощренность транснациональной организованной преступности выросли. Конец «холодной войны», коллапс государственной власти в некоторых странах и регионах, процесс глобализации – торговли, финансов, коммуникаций и информации – все это обеспечило среду, в которой многие преступные организации нашли более выгодным и предпочтительным действовать сквозь границы государств, чем сосредоточить свою деятельность в какой-нибудь одной стране. В некоторых случаях такая деятельность по пересечению границ ведется в пределах одного региона; в других она мирового масштаба. Какими бы ни были географические границы преступных операций, ясно, что организованная преступность более не ограничивается местной активностью. Почти всегда она носит транснациональный характер.

Понятие транснационального преступления отлично как от понятия международного преступления (т.е. преступлений, признаваемых таковыми в соответствии с международным правом, например, военные преступления), так и от локальных преступлений, на которые могут влиять факторы вне границ юрисдикции задействованного государства, но которые, в сущности, ограничены юрисдикцией одного государства. Во всемирном отчете о преступности и правосудии, подготовленном для ООН Центром профилактики международной преступности, отмечается: «Наиболее общая отличительная черта транснационального преступления состоит в том, что оно включает в себя пересечение границ или юрисдикции государств. Само по себе пересечение границы может подразумевать как действующих, так и потенциальных преступников – которые пересекают границы при ведении своей деятельности (пересечение границ для совершения актов террора или насилия, например) или пытаясь избежать правосудия, – речь идет о незаконных товарах или доходах от незаконной деятельности. Более того, оно может также включать передачу информации, что, по сути, «виртуально» в противоположность физическому пересечению границы. Есть также некоторая неопределенность в отношении самих преступлений. В конце концов, различные правовые системы криминализируют различные деяния и предусматривают за них различные наказания. Как бы то ни было, значительное число деяний подпадает под международные конвенции, без которых было бы почти невозможно вершить правосудие с каким-либо результатом в отношении международных дел. Эти конвенции – самой известной из них, возможно, является Конвенция ООН 1988 г. против незаконной торговли наркотиками и психотропными препаратами, – отражают разделяемое

государствами понимание того, что определенные деяния должны быть урегулированы, запрещены или криминализированы»¹⁴. Хотя все эти вопросы представляют серьезную проблему изучения транснациональной организованной преступности, они, конечно, не являются непреодолимым препятствием для выработки государствами правовых решений, направленных на противодействие преступлениям данного вида.

Существенный вклад в нормативную регламентацию борьбы с транснациональными преступлениями внесла Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию против транснациональной организованной преступности¹⁵. 14 апреля 2004 г. Конвенция была ратифицирована Российской Федерацией. Ч. 2 ст. 3 данного источника устанавливает: «Преступление носит транснациональный характер, если:

- а) оно совершено в более чем одном государстве;
- б) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
- в) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; или
- д) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве».

По мнению специалистов, данный документ подводит солидную правовую базу под борьбу с вышеуказанным симбиозом. В нем определены признаки организованной преступной группы, транснациональной преступности, содержатся конкретные предложения по криминализации таких деяний, как участие в организованной преступной группе, отмывание доходов от преступлений, коррупция, воспрепятствование осуществлению правосудия. Конвенция регулирует также широкий круг вопросов, связанных с экстрадицией преступников, защитой свидетелей и потерпевших, международным сотрудничеством правоохранительных органов и др.¹⁶ Следует согласиться с мнением В.А. Номоконова о том, что на очереди – приведение в соответствие с положениями настоящей Конвенции норм национального законодательства, а также принятие их к руководству в практической правоохранительной деятельности¹⁷.

Представляет интерес установление места в классификации преступлений, подпадающих под юрисдикцию международного уголовного права, так называемых транснациональных преступлений. Данный вопрос в науке остается открытым. По мнению И.И. Карпеца, не являются международными преступлениями либо преступлениями международного характера, а значит, и не подпадают под действие международного уголовного права общеуголовные преступления, предусмотренные национальным уголовным законодательством, хотя бы они и были совершены на территории нескольких государств или против иностранных граждан¹⁸. А.Е. Сунцов и Ю.В. Трунцевский не столь категоричны в своих суждениях: «К особой группе преступлений, являющихся объектом озабоченности международного сообщества, условно можно отнести транснациональные преступления, составы которых не вошли в понятие международных преступлений или преступлений международного характера. Это уголовные преступления, выходящие за пределы какого-нибудь одного государства и приобретающие международный характер лишь в конкретной ситуации в связи с появлением в составе преступления международного, “иностранного” элемента (хищения, мошенничество, похищения детей и т.д.). По поводу подобных преступлений между государствами заключаются двусторонние соглашения о правовой помощи, направленные на пресечение попыток преступников скрываться от правосудия за рубежом, а также на недопущение сбыта похищенного или “отмывания” преступных доходов за границей и т.п. Например, ранее угоны автомобилей не считались опасным видом преступлений. Если же оценить масштабы, которые это явление приняло в Европе, и учесть, что появились системы угонов и поставок автомобилей на юг и на восток, то становится ясно, что данное явление уже переходит в новое качество, приобретает поистине международный размах¹⁹. Добавим, что, по мнению ряда исследователей, к транснациональным преступлениям следует относить нелегальную миграцию, торговлю женщинами и детьми с целью понуждения их к занятию проституцией, распространение детской порнографии, коррупцию, хищение и незаконный экспорт культурных ценностей, угон и контрабанду автомобилей, незаконную торговлю объектами флоры и фауны, торговлю человеческими органами, распространение контрафактной продукции, компьютерные преступления и ряд других²⁰.

Для понимания места данных преступлений в системе деяний, подпадающих под юрисдикцию международного уголовного права, следует обратить внимание на источники их формализации как противоправных. В целом ряде случаев данные преступления являются конвенционными, т.е. зафиксированы как таковые в нормах международного права.

Так, например, хищение и незаконный экспорт культурных ценностей оцениваются как преступление в соответствии с Гаагской Конвенцией 1954 г. по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, а также Конвенцией ЮНЕСКО 1970 г. о средствах запрета и предотвращения нелегального импорта, экспорта и переходе права собственности на культурные ценности. Европейское сообщество, поскольку оно движется к созданию единого рынка, издало

несколько директив и постановлений того же рода. Действуют в этой области и институты гражданского права. В июне 1995 г. Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА), независимой межправительственной организацией, основанной в Риме, была принята Конвенция о возврате на международном уровне похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей. Целью Конвенции было создание «унифицированного кодекса, посредством которого истцы из стран-участниц конвенции могли бы возбудить дело в судах другой страны, подписавшей Конвенцию, о возврате похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей».

Важным средством правового противодействия сексуальной эксплуатации стала Конвенция о пресечении торговли людьми и эксплуатации проституции 1949 г. Конвенция о прекращении всех форм дискриминации женщин 1979 г. в ст. 6 закрепляла, что «страны-участницы примут все соответствующие меры, включая законодательные, для пресечения всех форм торговли женщинами и использовании женской проституции». Детям специально посвящена Декларация Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1959 г., а впоследствии – Конвенция о правах ребенка 1989 г., ст. 34 которой обязывает страны-участницы гарантировать защиту ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации. ООН инициировала важную программу реформ: предупреждение торговли детьми специально обсуждалось UNCICP в Вене и UNICRI в Риме. Оба органа будут активно осуществлять деятельность в этой важной области, как они это делали для Шестой Комиссии ООН по предупреждению преступлений и уголовному судопроизводству в 1997 г. в Вене, где обсуждалась разработка международной конвенции против торговли детьми (ООН, 1997 г.). В этой области действует также «Программа для предупреждения торговли детьми, детской проституции и детской порнографии», принятая Комиссией ООН по правам человека в 1992 г. «Африканская Хартия о правах ребенка» 1987 г. призывает к защите ребенка от эксплуатации. Подобным образом Совет Европы в 1991 г. принял «Рекомендацию о сексуальной эксплуатации, порнографии, проституции и продаже детей и подростков», которая придала особое значение расширению юрисдикции государства на преступления, совершенные его гражданами за границей, а также обмену информацией и дальнейшим исследованиям связей между секс-индустрией и организованной преступностью.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что транснациональные преступления по своей формально-юридической природе (по «происхождению») неоднородны. Часть из них закреплена в специальных международных конвенциях, часть – исключительно в источниках внутригосударственного уголовного законодательства. Это позволяет говорить о том, что транснациональные преступления частично могут быть отнесены к группе преступлений международного характера (конвенционных преступлений), и частично – к группе преступлений, ответственность за которые изначально устанавливалась национальным уголовным законодательством.

На основании изложенного мы предлагаем классифицировать преступления, являющиеся предметом международного уголовного права, на следующие виды:

- 1) международные преступления;
- 2) преступления международного характера, в т.ч. транснациональные преступления, предусмотренные специальными международными конвенциями (соглашениями).

Несомненно, все преступления рассматриваемых видов несут угрозу не только мировому правопорядку, но и внутригосударственной, национальной безопасности. В связи с этим обратимся к проблеме общей оценке такой угрозы в российском праве.

Если признать, что целью мирового правопорядка является обеспечение международной безопасности (безопасности человечества, всех стран и народов), то следует критически отнестись к содержанию некоторых положений российской государственной доктрины национальной безопасности. Закон Российской Федерации № 2446-1 от 5 марта 1992 г. «О безопасности» в ст. 1 содержит следующую дефиницию: «Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от *внутренних и внешних* (выделено нами - А.С.) угроз»²¹. При этом закон фиксирует и круг жизненно важных интересов, определяя их как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности Закон «О безопасности» относит: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность (ч. 3 ст. 1). Ст. 3 данного нормативного акта формулирует понятие «угроза безопасности», определяя его как совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства. Таким образом, основательным будет предположение о том, что государство определяет одно из основных направлений своей деятельности – устранение, нейтрализация, пресечение таких условий и факторов, которые угрожают личности, обществу и самому государству. Однако Закон «О безопасности» не указывает среди жизненно важных интересов Российской Федерации поддержание и обеспечение международной безопасности и международного правопорядка. Соображения о том, что данный Закон ориентирован прежде всего на решение проблем внутренней безопасности, представляются нам неубедительными. Глобализация как экономическое

и социокультурное явление не оставляет надежды на возможность решения вопросов внутренней национальной безопасности в отрыве от участия суверенного государства в обеспечении мировой безопасности.

В исторических реалиях Россия столкнулась с целым рядом проблем, решение которых непосредственно связано с выявлением и анализом реальных и потенциальных угроз ее национальным интересам. От того, насколько успешно будут локализованы или устранены реальные угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства, зависит судьба курса политических и экономических реформ в Российской Федерации²². В соответствии с доктриной теории государства и права, в этой области именно государство является главным среди остальных субъектов обеспечения безопасности и должно выступать организатором такой системы, а право должно стать главным регулятором общественных отношений в данной сфере²³. Следует отметить, что российское право располагает концептуальными положениями, оценивающими угрозы, исходящие от преступлений международного характера, в т.ч. транснациональных преступлений. Так, Концепция национальной безопасности Российской Федерации²⁴ среди факторов основных угроз в международной сфере называет прежде всего факторы военно-политического характера (расширение НАТО, стремление отдельных государств и межгосударственных объединений принизить роль существующих механизмов обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН и ОБСЕ, и т.д.). Однако Концепция содержит и следующее положение: «Серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет терроризм. Международным терроризмом развязана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации в России. ... Борьба с терроризмом, наркобизнесом и контрабандой должна осуществляться на основе общегосударственного комплекса контрмер по пресечению этих видов преступной деятельности». Обращает на себя внимание технико-юридический прием, в соответствии с которым преступления международного характера и транснациональные преступления перечислены (терроризм, наркобизнес, контрабанда). Представляется, что в контексте оценки криминальных угроз такого рода следовало бы прибегнуть к обобщающему термину (например, «преступления международного характера» или «транснациональные преступления»), что позволило бы более широко толковать положения Концепции национальной безопасности, сохраняя при этом предмет толкования в юридически точных границах.

Среди важнейших задач в области борьбы с преступностью Концепция называет «укрепление системы правоохранительных органов, прежде всего структур, противодействующих организованной преступности и терроризму, создание условий для их эффективной деятельности; ... расширение взаимовыгодного международного сотрудничества в правоохранительной сфере, в первую очередь с государствами-участниками Содружества Независимых Государств. ... Основываясь на международных соглашениях, необходимо эффективно сотрудничать с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также международными организациями, в задачу которых входит борьба с терроризмом. Необходимо также шире использовать международный опыт борьбы с этим явлением, создать скоординированный механизм противодействия международному терроризму, надежно перекрыть все возможные каналы незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ внутри страны, а также их поступления из-за рубежа». Среди основных направлений внешней политики России также названо «развитие международного сотрудничества в области борьбы с транснациональной преступностью и терроризмом». Обратим внимание, что акцент сохраняется на вопросах борьбы с терроризмом и организованной преступности. Не умаляя важности соответствующих правовых и организационно-управленческих решений, отметим, что проблематика международной криминологической безопасности не исчерпывается преступностью данного вида.

Анализ положений Концепции внешней политики Российской Федерации²⁵ свидетельствует о той же проблеме. Так, среди основных целей деятельности России в области внешней политики названо «воздействие на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных нормах международного права, включая прежде всего цели и принципы Устава ООН, на равноправных и партнерских отношениях между государствами». Россия рассматривает как важнейшую внешнеполитическую задачу борьбу с международным терроризмом, способным дестабилизировать обстановку не только в отдельных государствах, но и в целых регионах. Российская Федерация выступает за дальнейшую разработку мер по усилению взаимодействия государств в этой области. При этом отмечается, что прямая обязанность любого государства – защита своих граждан от террористических посягательств, недопущение на своей территории деятельности, имеющей целью организацию подобных актов против граждан и интересов других стран, и непредоставление убежища террористам. В соответствии с Концепцией Российская Федерация будет целенаправленно противодействовать незаконному обороту наркотиков и росту организованной преступности, сотрудничая с другими государствами в многостороннем формате, прежде всего в рамках специализированных международных органов, и на двустороннем уровне. Таким образом, уголовная политика Российской Федерации по своему содержанию тесно связана с общеполитическими задачами. Однако, в таком основополагающем

документе, каковым является Концепция внешней политики Российской Федерации, речь также должна идти о международном сотрудничестве, направленном на противодействие всем преступлениям международного характера, в т.ч. транснациональным. Представляется, что терроризм, наркобизнес и организованная преступность – не единственная угроза национальной и международной криминологической безопасности. Именно поэтому необходимо модернизировать отдельные положения как Закона Российской Федерации «О безопасности», так и Концепции национальной безопасности Российской Федерации, Концепции внешней политики Российской Федерации за счет включения в них положений, относящихся к оценке угроз, исходящих от международных преступлений и преступлений международного характера, а также к содержанию основных направлений международного сотрудничества в области противодействия данным преступлениям.

На основании изложенного нами вносятся следующие предложения. Во-первых, ч. 3 ст. 1 Закона Российской Федерации «О безопасности» «Понятие безопасности и ее объекты» изложить в следующей редакции: «К основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность, а также международная безопасность и международный правопорядок». Ч. 1 ст. 3 данного Закона «Угроза безопасности» изложить в следующей редакции: «Угроза безопасности – совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства, международному правопорядку». Во-вторых, базовые положения Концепции национальной безопасности Российской Федерации и Концепции внешней политики Российской Федерации должны быть расширены за счет прямого указания на международные преступления и преступления международного характера как источники угроз для государства, международной безопасности и международного правопорядка. Соответственно, противодействие данным преступлениям должно быть учтено при формулировании целей, задач и основных приемов правового сотрудничества России с другими государствами и международными организациями.

¹ См.: Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М., 1998. С. 242-243.

² См., напр.: Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 31-54.

³ См. подробнее: Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву. М., 2002. С.25-34.

⁴ См.: Карпец И.И. Указ. соч. С.31.

⁵ См.: Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права // Советское государство и право. 1948. № 3. С.26.

⁶ Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С.287.

⁷ См.: Лазарев М.И. Империалистические военные базы на чужих территориях и международное уголовное право. М., 1963. С. 178.

⁸ См.: Моджорян Л.А. Субъекты международно-правовой ответственности // Советское государство и право. 1969. № 12. С. 122.

⁹ См.: Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 48.

¹⁰ См.: Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 271.

¹¹ Ответственность за данные виды преступлений определена в Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала (ст. 6).

¹² Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В. Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного уголовного права. 1997. № 2. С.93-94.

¹³ Лукашук И.И. Указ соч. С.243.

¹⁴ Global Report on Crime and Justice. Graeme Newman Editor Published for the United Nations Office for Drug Control and Crime Prevention Centre for International Crime Prevention. NY.; Oxford, 1999.

¹⁵ См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. Подписана Российской Федерацией 12 декабря 2000 г., ратифицирована 14 апреля 2004 г.

¹⁶ См.: Номоконов В. А. Глобализация преступности в связи с общей глобализацией в мире: Материалы круглого стола ИГП РАН (16 марта 2001 г.) // www.mosorgcrimrescenter.ru/Conferens/Conf5.htm.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См.: Карпец И.И. Указ. соч. С. 30.

¹⁹ См.: Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В. Указ. соч. С. 93-94.

²⁰ См., напр.: Global Report on Crime and Justice...; Phil Williams. Transnational crime and its control // Global Report on Crime and Justice. New York Oxford. Oxford University Press, 1999; Проблемы борьбы с организованной преступностью: Информационный бюллетень. Иркутский центр по изучению организованной преступности & American University. 2002. № 10; Репецкая А.Л. Торговля женщинами для секс-индустрии как один из ведущих видов деятельности транснациональных преступных организаций // www.crime.vl.ru; и др.

²¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст.769.

²² См.: Гысэ А.В. Современная российская преступность и проблемы безопасности общества (политический анализ). М., 2000. С. 10.

²³ См.: Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: человек, общество, государство. СПб., 2000. С. 69.

²⁴ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 24 от 10 января 2000 г.

²⁵ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 28 июня 2000 г.